

Исполнительский стиль С. Рихтера: секреты пианистического мастерства

*Петрашкевич Лилия Ивановна, 202 группа
Подголина Наталья Константиновна,
старший преподаватель*

Никакая похвала не кажется достаточной, когда оцениваешь игру Рихтера. Все здесь поражает: глубина мысли, чистота чувства, поистине сказочное мастерство. Игра его находится на пределе возможного и достижимого.

Творческий облик артиста складывался под благотворным воздействием Г.Г. Нейгауза, хотя последний весьма скромно оценивал свою роль в этом процессе: «Он смолodu обнаруживал такое великолепное понимание музыки, столько вмещал ее в своей голове, обладая при этом чудесным природным пианизмом, что приходилось поступать согласно пословице: ученого учить – только портить. Я ему помог немного в его развитии, но больше всего помог он сам себе, и, прежде всего, помогла сама музыка, которой он рьяно и страстно занимался». Исполнительская манера Рихтера единственна в своем роде. Он никогда никого не копировал, ничего не заимствовал из вторых рук, во всем оставался верным самому себе. Замыслы Рихтера – плод его живого воображения. Почти в каждой его интерпретации содержится нечто такое, что способно привлечь к себе восхищенное внимание слушателей.

В чем же секрет этой неувядающей художественной силы? В чем секрет ее воздействия на самые разные круги слушателей? Разгадка неотразимого воздействия Рихтера на слушателей объясняется удивительным комплексом художественных параметров, характерных для этого пианиста. «В истории музыкального исполнительства, – писал В. Дельсон, – не так легко найти примеры столь интенсивного развития в одном художнике интеллектуального и эмоционального начала, яркости и глубины, артистичности и мастерства, безукоризненного вкуса и виртуозного блеска». Прежде всего, Рихтер, как никто, умел быть ясным. Он мыслил на редкость логично. Его намерения всегда были понятны, так как самые тонкие оттенки мысли и чувства он выражал совершенно отчетливо.

Святослав Теофилович играл с необыкновенным благородством и простотой. Его фразировка была безукоризненно точна, верна по смыслу. Темпы, нюансы обоснованы самой логикой музыкального развития. И сила пианистического выражения всегда соответствовала силе чувствования. Он удивительно тонко воссоздавал на фортепиано звукоокрасочные эффекты (эта линия преодоления «фортепианности», создания оркестрового колорита в искусстве пианизма связана с именами Листа и Бузони), в небывалых масштабах владел приемом звуковой перспективы, мастерски варьировал динамику, тембровую окраску звука, тончайшим образом соподчинял различные звуковые планы по степени их значимости. Рихтер обладал особым умением внезапно переходить от бушующего fortissimo к легчайшему pianissimo, основанному на гибкости и мягкости туше, на мягком, скользящем прикосновении к клавишам.

Он не только с удивительным совершенством подготавливал кульминацию и развертывал ее, последовательно доходя до «эпицентра», но и с непостижимой легкостью и естественностью сменял динамическое нарастание спадом.

Рихтер обладал еще одним редким артистическим качеством – умением убеждать слушателей, подчинять их своей художественной воле. Его исполнение воспринималось порой неожиданным, непривычным. Но он настолько ясно и точно умел слышать, разрабатывая самые глубинные пласты музыки, настолько проникался исполняемым, что слушатель невольно подпадал под власть его интерпретации.

Самое удивительное свойство Рихтера – это умение подойти к каждому музыкальному стилю по-разному, понять и по-своему раскрыть его закономерности. Репертуар Рихтера необычайно обширен и многогранен, и каждого композитора пианист интерпретирует индивидуально. «Мне кажется, – подчеркивал Д. Шостакович, – что главной задачей, которую ставит себе Рихтер, является точное и в то же время творчески вдохновенное изложение авторского замысла. Этой цели Рихтер посвящает весь свой огромный талант, все свое феноменальное мастерство». Некоторые музыканты считают лучшими интерпретациями в исполнении Рихтера произведения Прокофьева и Шуберта, а Святослав Теофилович считал своими самыми любимыми композиторами Моцарта, Шопена и Дебюсси. «Я думаю, что задача настоящего исполнителя – целиком подчиниться автору: его стилю, характеру, мировоззрению». Свои слова Рихтер воплотил как при исполнении произведений Баха, Листа, Шумана, Брамса, Грига, Чайковского, Мусоргского, Скрябина, так и Мясковского, Бартока, Шостаковича, Шимановского. По наблюдению Г.Г. Нейгауза: «Когда он играет разных авторов, кажется, что играют разные пианисты – рояль был другой, звук другой, ритм другой...».

Такое исполнение, которое давал нам Рихтер, требует всего человека без остатка. Оно основано на максимуме напряжения душевных и физических сил. Как написал Я. Мильштейн, «Музыка для Рихтера как бы родной язык, на котором он просто, естественно и в то же время непреклонно и властно излагает свои мысли и чувства. Во все он вкладывает искренность, содержательность, необычайную устремленность порывов своей богато одаренной натуры».

Творческое становление Рихтера – путь неустанных исканий, глубоких музыкальных открытий. Его профессионализм – результат сверхчеловеческого труда. Достигнув высочайших вершин искусства, Рихтер доказал, что человеческому мастерству нет предела.

Литература

1. Дельсон, В.Ю. Святослав Рихтер / В.Ю. Дельсон. – М.: Музгиз, 1961. – 121 с.
2. Рабинович, Д.А. Портреты пианистов / Д.А. Рабинович. – 2-е изд. – М.: Сов. композитор, 1970. – 280 с.
3. Цыпин, Г.М. Святослав Рихтер: творческий портрет / Г.М. Цыпин. – М.: Музыка, 1977. – 24 с.